

18+

Н А Р О Д Н Ы Й Ж У Р Н А Л



# РОМАН №22 ГАЗЕТА

**Рахимжан Отарбаев /** *Амазонки нашего аула*

**90**  
лет





## ОТАРБАЕВ Рахимжан

родился в 1956 году в Курмангазинском районе Атырауской области Казахстана. Окончил Уральский пединститут имени Пушкина.

Творческую работу начал в редакции газеты «Казак эдебиети», заведовал отделом в журнале «Жалын», был атташе в посольстве Республики Казахстан, председателем Мангистауской телерадиокомпании, директором драмтеатра, заведовал сектором администрации Президента Республики Казахстан.

В 2009 году назначен Генеральным директором Национальной академической библиотеки.

Р. Отарбаев — известный писатель и драматург, член правления Союза писателей РК и казахского Пен-клуба. Лауреат Премии им. Махамбета, Международной премии им. Чингиза Айтматова. Академик, Заслуженный деятель культуры Республики Казахстан. Его произведения переведены на русский, киргизский, турецкий, арабский, английский языки.

Живет в Астане.

## Из очерка Георгия Пряхина «И смех, и слёзы, и любовь»

С Рахимжаном Отарбаевым я долгое время был знаком только по телефону. Время от времени он звонил мне из Астаны, и я слышал негромкий, с хрипотцой, голос человека, старающегося безукоризненно подбирать и произносить русские слова и потому выдающего их как начальные, вразрядку, капли степного летнего дождя. И про себя думал: ну, вот уже и казахи *стараются* — былая всеобщая русская скороговорка постепенно сходит с былых имперских территорий.

А что остаётся? В данном случае, уверяю вас, потерь нет. Ведь есть вещи и поважней артикуляции. Русская культура, наша общая, под одним не очень ласковым небом сконденсированная живительная влага проникла, пропиталась, в данном случае до самых корней, соединившись с другой древней, феерической духовной субстанцией — Отарбаев пишет на подчёркнуто казахском, но смех сквозь слёзы в нём так узнаваем.

...На примере Рахимжана Отарбаева можно судить, что нарождается сегодня в серьёзной казахской литературе — не пустоцветы.

Чем отличается мудрый человек от умных? Много дефиниций есть на этот счет. У каждого своя — и у меня тоже. Я считаю, что умные часто посмеиваются над *другими*, а мудрый — над собой. Даже в тех отарбаевских рассказах, где автор, рассказчик формально не присутствует, его улыбка, в меру озорная и в ещё большей мере печальная, всё равно витает над этой незримой, отсутствующей фигурой. У каждого из нас свой нимб, а у кого какой — это уж кому как повезёт, кто у какой раздачи достоялся.

Мне этот автор интересен ещё и тем, что в чём-то повторяет и мою собственную молодость: до недавнего времени трудился в серьёзных властных структурах Казахстана. В какой-то степени это в традициях и русской, и казахской литературы: и Фёдор Достоевский, и его

юный друг, казах Чокан Валиханов, ходили в шинелях, правда, разной выделки. Шинелью, только более нежной фактуры, был и дипломатический фрак отарбаевского коллеги Фёдора Тютчева. На одни должности нас назначают живые люди, на другие — Судьба. И мне кажется, что в случае с писателем Рахимжаном Отарбаевым она, Судьба, не ошиблась.

...С помощью этого человека, даже посредством этого человека — не только через его творчество — узнаю тот Казахстан, который либо был для меня когда-то сокрыт, либо народился в новейшие уже времена.

...Отарбаев же и открывает нам мифологический и даже мистический Казахстан.

Его рассказы и повести действительно пронизаны, как неким дальним, мерцающим отсветом, преданиями и верованиями своего народа.

В большинстве своём современные и даже остросовременные по сюжету, они приобретают феноменальную особенность. Их корешки сокрыты. Они не висят в воздухе. Они — не гидропонного происхождения. Уходят куда-то вглубь, и это придаёт лучшим вещам Отарбаева стереоскопичность, дополнительный объём и ту многозначность, без которой не бывает подлинного искусства. Они не просто неоднородны — они и сами мерцают, как будто бы со дна.

...Его герои смеются и плачут. А как замечательно причитают эти его зачастую совсем не литературные герои! Да, плачут, правда, тоже чаще, чем смеются.

А смех сквозь слёзы, до слёз на ресницах, как и любовь до слёз это и есть литература. Особенно сегодняшняя. Особенно настоящая.

## ПОСИДЕЛКИ

Эта старуха, в конце концов, умрет, выжив из ума. Да, были славные времена, когда он — Санакбай, посвистывая, погонял целую отару овец... Она тогда беды не знала: каталась как сыр в масле. Однако стоило ему только бровью повести — семенила перед ним, словно тёлочка копытцами. Теперь смотри, из-за понюшки табака норовит закатить целый скандал. Шурует языком, абы кочергой в печке.

— А я-то, несчастная, поясницы лишилась, как-то стала... Поеду в район на лечение к целителю, а ты, нет сказать, на возьми на дорожные расходы, и пенсию всю-то не отдал — припрятал...

Ну, погоди у меня!..

— Опять в магазин наострился? Не терпится тебе, чтобы, как обычно, в карты облапошили? Давай, беги скорее, а то оставят без причитающейся доли!

Вот заладила. Почему же она не говорила это в те годы, когда он был на коне?..

К полудню заглянул на почту. Пенсия пришла. Да, но что на нее купишь? Ежемесячно капает что-то в ладонь, то ли пенсия, то ли помёт сороки. Вот, мол, возьми на всё твое житье-пробытье. Дома, всунув в руку своей старухи тысячную купюру, сказал: «На, купишь сорванцам конфет». Имея в виду внуков.

Старая карга, следившая за каждым его шагом, увидев эту сиротливую бумажку, распалилась еще больше. И не болеет она — просто притворяется. Смотри, как бегаёт кругами, просто ветром может сдуть от её юбок.

— Уйду, буду жить у невестки! Оставайся с ними, — намекает на Ерлепеса, старика корейца и русскую сторожиху!

Да уймешься ты в этой государственной клетушке. Посмотрел бы я, как ты там будешь сидеть, взгромоздившись на унитаза, неуклюжая сова!

Что-то ещё болтает о магазине? Ну, не без греха. Но что тут такого?! Раз в месяц заглядывает в сторожку Антонины. Опустошают они там за милую душу бутылочку-другую, что, правда, то — правда! Чинно в картишки перебросятся. А какая ещё забава может быть в этом захолустье?

— Эх, в былые бы времена...

— И чего ты добился? Отогнал в руки шпаны целую отару скота и сидел сложа руки.

Слова не дала вставить. Со стуком хлопнула дверь. Говорю же — только притворяется больной. У неё одна серьёзная болезнь: скучает по внукам. Если бы действительно болела поясница, смогла бы она схватить полосатую китайскую сумку, в которую вместится человек? Вон как спешит на автобус, отправляющийся в райцентр. Жаль, надо было, по крайней мере, хотя бы разок погладить её круп четырёхжильной камчой...

В былые времена... Э, да разве он не тот Санакбай, который внёс существенный вклад в дело независимости страны?! Его ровесники хоть смеются над ним, но всё это имело место. Было дело...

...В то время он как раз обуздал свои пятьдесят пять. Перейти дорогу Санакбаю, выглядевшему как сосновый комель: крупный, горбоносый с подковообразными усами, мог только директор совхоза... Этот кругленький, низкорослый подлец, замечая свои грешки, в конце концов, куда-то исчез, оставив на произвол судьбы престарелого отца... Ай, несдобровать ему в этой жизни.

Была ранняя весна. Запасы сена уже иссякли. Овцы от голода грызли стену старой овчарни, проедавая от безысходности зияющие дыры. Раз матка недокармливает, то и в приплоде прока мало. Урон изо дня в день. От хитромудрого коротышки-директора, который ещё две недели назад обещал прислать все: и корма, и помощников-сакманщиков для приема ягнят, никаких вестей. Потом прослышал, что устроил пир горой в честь женитьбы сына. Попробуй, обрубь ему!

Сгоряча, вскочил на коня. Ветер обдувал подмышки, к полудню домчался до райцентра. Прямым скачком поскакал к конторе. По пути возле магазина встретил трех-четырёх своих ровесников. Обменялись объятиями. Один из них, уже беззубый, даже обслонявил ему щеки. Как тут не растаять?..

Весь день дул порывистый летний ветер, который мог повалить нара величиною с яр. С коня сидел при помощи услужливых дружков. Им же, праздно болтающим, только это и надо было. Предложили «вспрыснуть за встречу!». Сказали, что «больно уж редко тебя видим...». Шутили, вроде того, что «не отведали мяса, так хоть попробуем крепкого бульону...». Ушлые друзья приперли его к стенке. Каждому специально взял по две поллитровки: «Пейте, пока не лопнете, и не забывайте меня до самой смерти».

— Всё, мне пора! — сказал им. Помнит только, как вдевал ногу в стремя. Дальше все как в сплошном тумане. Опомнился уже в кабинете этого пузатого коротышки, который возвышается над креслом. Ни ответа, ни привета. Санакбая охватило возмущение. Передвигался, пошатываясь, вместо слов напала икота. Перед глазами туман, то сгущается, то рассеивается. Хитрая физиономия директора совхоза появлялась точно ясное видение, а потом вдруг испарялась где-то в пространстве.

— Эй! — воскликнул он, наступая на того. — Сорный ты корень, неужели из-за того, что твой сыночек оженился, должен гибнуть скот? Нет ни охапки сена, всю зиму не было кормов. Ягнята дохнут. Завтра сами же будете требовать увеличения поголовья. А я скажу вам «вот выкусите!». Почему молчишь? Хотите молча спровадить? В июле, когда и мухи не могут без питья... И когда волю режут в мороз... Мы, бедолаги, привязаны к скоту. Нет спросить о здоровье, спрашиваете о поголовье... Твердите, как дятлы: перестройка-перестройка!.. Да провалитесь вы вместе со своей перестройкой! — политизировал он, завершая свою гневную тираду.

— Дяденька, директора ещё нет на месте. Провожает сватов. Завтра будет.

Резко повернулся на голос. В просвете дверей стояла шупленькая, как козочка, испуганная секретарша.

Мираж, застилающий глаза, рассеялся. Кресло зияло пустотой. По-над креслом висит портрет Горбачёва. Бездушная фотография, а смотрит строго взглядом. Смотрит пристально. Родимое пятно на

правом виске аж побагровело. Будто упрекает: «Эх, Санакбай, и ты туда же?»

Охваченный гневом и стыдом, взобравшись на лошадь, пустил камчу гулять. А тем временем эта козочка пустила слух по всей округе. Посторонний люд начал смеяться, тербя печень. Нелепый случай стал притчей во языцех.

В конечном итоге, видимо, критика Санакбая проняла Горбачева. Сумятица в стране закончилась тем, что поступило распоряжение сверху: «Вот тебе летовка, а вот тебе — зимовка, живи как сумеешь!» Словом, дали независимость, — правда, с нею пришли и свои неурядицы. Однако кто посмеет сказать, что здесь нет заслуги Санакбая?!

В прошлом году, когда явились сваты к дочери двоюродного брата, живущего в соседнем ауле, он тоже попал на застолье. Под хмельком захотелось прихвастнуть перед прибывшими с подарками сватами. «В тот год, когда я отгонял овец в Петербург...» — брякнул он невпопад. За дастарханом и стар, и млад, удивленно переглянулись. Только внучатый племянник, шельма эдакий, ухмыляясь, заметил: «Дядя, перед ним есть же и другие города!»

— О, уважаемый Санакбай, мы давно уже наслышаны о вашей славе! — Сваты заглаживали этот казус.

Что бы там ни говорили, но перед его глазами пролетали события прошлой жизни, когда на руне овцы не просто вили гнезда, а играли свадьбу жаворонки. Хотя он и в помине не видал крыш Петербурга, но гнать туда овец его понуждал не стограммовый пар, а тоска, оказывается, по минувшей эпохе.

Грянула приватизация. Пройдоха директор, сняв сливки с общего котла, куда-то сбежал. В качестве долевых процентов умыкали блеющий скот всякие главные специалисты. «Подождите!» — бунтовало нутро Санакбая, но остался он со своей чабанской герльгой да с двумя-тремя десятками копытцев. Оттого-то и ворчит его старуха, хватаясь за поясницу...

Не заметил, как, переменяясь со своими мыслями, дошёл до входа в единственный в ауле магазин. В примыкающей к нему сторожке мелькнула голова Антонины. Вслед за головою, опираясь на ржавое ружьё, появилась и сама рыжая старуха.

— Санак, заходи внутрь. Сейчас придёт и сосед кореец.

— Пусть приходит. А где Ерлепес?

— На почте. Должен явиться.

Только было согнул колени, как из тени двух деревьев, растущих поодаль, появился кореец. В руке чёрная сумка. По привычке осматривает с прищуром. Бормочет что-то невнятное, дрожа подбородком. Мелкие морщины, покрывающие пригоршню его лица, извиваясь и расплываясь, словно червячки, не находят себе покоя. Следом за ним плетется чёрная сука.

— Эй, что у тебя в сумке?

— Щенки. Отнесу домой. Голодные лежат.

— Зачем они тебе?

— Пропади они пропадом, знал их отца-кобеля. Жалко! Эта не может их насытить.

Щенки, скуля, царапали сумку.

— Отец их — рыжий волкодав из соседнего аула, — заметила Антонина, указывая на чёрную суку. — Знаю его. Делает это каждый год, пока ты раззявишь рот. Попадись мне на глаза. Уложу одним выстрелом!

Чёрная сука виновато смотрит в их сторону.

Со стороны почты, прихрамывая, бочком-бочком, показался и Ерлепес. Команда в сборе. Первый пузырек раскупорен. На правах хозяина купленной водки Ерлепес делит её строго всем поровну, приговаривая:

— Всё равно паршивая жизнь. Мы уже ничего не поправим.

Разлив «почти по буль-булькам», с достоинством косит на окружающих приятелей, словно ожидая великого поощрения. Гордый профиль его принимает несколько спесивый вид.

— Вот так-то!

Руки разом потянулись к этой прозрачно-плещущей, как горькие слезы красавицы, жидкости. Попав вовнутрь, побежала «горячая» по всем застарелым жилкам.

— Хотя бы раз в месяц не будем собираться для настроения, зачем тогда землю топчем?

— Вот так!

— А пенсию не повысили.

— Ну, в прошлом году всё же добавили шестьсот тенге.

— Ай! — Махнул ладонью Санакбай, приподняв её выше своего колпака. — Пускай вообще не добавляют!

— Верно. Такие, как мы, передовики производства, всё хозяйство совхоза вытаскившие на своих горбах, получают гроши. Как тут не возмущаться!

— Да, ты, чтобы называться передовиком, пожертвовал одним своим бедром, — съязвила Антонина. На лице Санакбая возникла и разгладилась улыбка. Успокоились дрожащие руки, прекратилось невнятное бормотание старика корейца.

На самом деле все было так.

...Был год, когда земля, испуская пар, щедро одаривала своими милостями. Бурьян и полынь, опутываемая стрелами и набиваясь в них, не давали проехать. Трактористы-косари, прицепщики, обрастая пылью, работали не покладая рук. Той осенью даже плевки бригадира Ерлепеса не всегда достигали земли, цеплялись за высокую и густую траву.

На Октябрьские праздники получили премию. Бригадир раздавал деньги пригоршнями, равно одаривая каждого члена бригады. И разве могли трактористы не ответить на добро добром? Прямо перед конторой совхоза они на радостях стали подбрасывать его к небесам. Подхватывают и подкидывают вверх вновь и вновь.

— Герой ты наш! — кричали одни.  
 — Дело твоё едино с именем твоим, наш Ерлепес! — восклицали другие.  
 — Там, где ступает твоя нога, растёт высокая трава! — восхищались третьи.

Раскинув руки и ноги, он то и дело падал спиной на крепкие руки трактористов. Но в тот момент раздался пронзительный женский голос:

— Быстро! Всех вызывает директор!

Лавой ринулись в контору. И ни одна душа не обобразила, что его, подброшенного, надо бы подхватить и плавно опустить на землю! Триумфатор упал на твердый такыр и дико заревел от боли. Тазобедренная кость раздробилась. Так и ходит с тех пор, ковыляя одним боком. С того времени перестал общаться и с бывшими подопечными.

Сходя в магазин, вернулся Санакбай.

— Никакой очереди. Ассортимент такой, что глаза разбегаются, — заметил он вскользь. — Обидно: то ли было в наши молодые годы...

— Давайте этот тост поднимем за Антонину, — поступило предложение от старика корейца.

— Поднимем!

— Из всего женского рода она — единственная наша отрада.

С тех пор как переехала сюда вместе с семьёй из Астраханской области, минуло четверть века. Мужем её был высокий рыжий печник Петро.

— Для печи, выложенной им, лучинка даже не нужна: уголь разгорается сам по себе, — говаривали аульные знатоки.

Наверное, правда. Только была у него маленькая уловка. Раньше кирпича для кладки следовало подать ему в руку бутылку. Иначе в печной трубе не будет тяги. Будет тянуть дым и не выпускать его наружу. Хозяева задыхаются в приступе кашля.

Он был и отменным рыбаком. Нанизывая на шпагат за жабры воблу и лещей, вялил, пока капал с них жир. В конце концов, властелин воды и забрал Петро к себе. Его лодка перевернулась, когда река подернулась льдом. Поглотила его коварная Шора.

...Сначала была продавщицей. Затем стала охранницей. ВОХРовкой — членом военизированной охраны. В руках, покрытое ржавчиной одноствольное ружьё, отлитое в 1937 году в Пензе... Говорила, что последний раз заряжала его в 1986 году, во время декабрьских событий. С тех пор оно уже не стреляло... Да и вряд ли когда-нибудь выстрелит.

— Видел, как твоя старуха вскарабкивалась в автобус, идущий в Ганюшкино.

То, чего не замечает кандыляющий Ерлепес, может лежать разве что глубоко под землёй.

— Поехала лечиться. К целителю.

— Эй, сейчас нет доверия ни врачу, ни юристу-толмачу. Оба они сначала прощупывают пульс у твоего кошелька. Качают головами. Нагоняют страху, — прорезался голос старика корейца. Мелкие морщины, покрывающие его узкое лицо, опять не могли

найти успокоения, шевелясь и расползаясь как червячки. — К слову, на прошлой неделе ездил в райцентр. Встретил прожорливого Орбая.

Все трое его сотрапезников, словно глотнув чего-то неприятного, брезгливо поморщились.

— На нём белая кепка и сшитый мною холщовый пиджак. Блестит весь, от плеч до пупка. Ордена и медали! Вот диво!

— Подлая собака! — не сдержался Санакбай.

— Бессовестный! — приговаривал Ерлепес.

— Пусть только попадётся на глаза. Уложу одним выстрелом, — присоединилась к ним со своим дежурным проклятием Антонина.

Прожорливый Орбай — бывший завфермой. Один из тех, кто в лихую годину приватизации отхватил — и проглотил-таки — огромный куш. Того добра хватило, чтобы переехать в райцентр.

— В своё время переселился сюда, имея один палас, а теперь, смотри, перекочевывает целым караваном! — судачила женская половина аула.

Это, оказывается, ещё цветочки. А что за ордена и медали гроздьями висят на его груди?

...Ещё на заре независимости, когда «верви хватало лишь для завязывания, но не хватало для плетения...», младший сын Орбая проявил способности бизнесмена.

— За два мешка муки выменял орден Ленина.

— А за пятьдесят килограммов сахара стал кавалером ордена Трудового Красного Знамени.

— А за палас, оказывается, просил «Знак Почёта».

— За медаль же всучит тебе кусков десять хозяйственного мыла, — возбуждённо тараторили сельчане.

Торг шёл расторопно: не успеешь, как говорят, пригладить бороды. Масса наград передовиков производства со звоном перекочевала в торбу к юнцу.

— Знаешь же жену-неряху скотника Сайлауа, родившую десяток детей.

— Ну...

— Он и у неё выманил медаль «Золотая баба». Ну, эту... «Мать-героиню»...

— Аферист, из любой сети выскользнет.

— Да это ещё что. Нацепив чужие ордена и медали, Орбай, оказывается, поехал в Астану. Просил квартиру. А тамошние чиновники даже уговаривали: «Ореке, такому уважаемому человеку, как вы, не к лицу какая-то квартира. Как же вы, словно курица на насесте, будете жить в многоэтажке? Лучше построим для вас коттедж». Решили наспех и приступили к строительству.

Старик кореец с дрожащим подбородком опять косоглазо обвёл взглядом собутыльников.

— Подлая собака! — не сдержался Санакбай.

— Прожорливая свинья! — добавил Ерлепес.

— Пусть только попадётся на глаза. Уложу одним выстрелом!

— Молчите! — вскрикнул неожиданно Ерлепес. — Не подливайте масла в огонь. Не забудьте, что сидите под той рукой, которой одним ударом убиваю

волка! — расхотелся не на шутку. — Лучше давайте добудем ещё бутылку, — это предложение было сделано уже спокойнее.

Хозяин мелких морщин, которые шевелились и расплзались по узкому лицу, словно голодные черви, порылся в карманах. С трудом вытащил откуда-то из-под ремня сложенную вчетверо двухсотку.

...Как только откупорили третью, настроение поднялось на новый виток. Мир вокруг заиграл.

— В последнее время часто снится моя старуха, — издали начал разговор старик кореец, уже под хорошим хмелем.

— Не беспокойся: попадёт в рай!

— Правда?

Никто не помнил, откуда и когда в этих краях появился, поселился этот старый портной. Количество слов, им применяемых, сосчитано, как число костяшек на счётках. Говорил, что родился и вырос на Камчатке, а корни остались в Корее. Была у него жена, круглая и спелая, как булочка с маслом. В ауле только она одна держала огород. Когда поспевали дыни и арбузы, сбив их в кучу, словно ягнят и козлят — пусть земля ей будет пухом, — сидела в тени своего домика и в ладонь ей, помаленьку, капали копейки.

Давно это было. Вот эта самая Антонина, решившить себе платье, вошла в их домик на отшибе. Она была в расцвете сил, руки и ноги как колотушки, сама ярко-рыжая. Ходила, покачивая бедрами и постреливая нежно-голубыми, небесного цвета глазками. Посмотрела, быть может, томно и загадочно. Во всяком случае, этот клятвopреступник, под видом снятия мерки, все пытался гладить её крутые бёдра, гладкие, как круп кобылицы. Поглаживал и приговаривал:

— Ах, какая женщина, побыть бы с ней наедине хотя бы в однодневном сне! И другой мечты в этой жизни больше не надо!

Могла ли не заметить такое его круглая булочка в масле, Дуся? Не стерпела, взорвалась. Разгорелся скандал. Вырвав отрез, выкинула его в окно. Схватив мужа, вышвырнула за порог. Словом, обе женщины навек невзлюбили друг дружку.

Осколки той ревностной, красно-золотистой жизни светились теперь только в их престарелых глазах. А самой её вроде и нет. Одно мутное слабое видение. Да не уходит она от них, а захочешь догнать, не догонишь. И остались, обнимая свою черную машинку, старик кореец и, опираясь на свое ржавое ружье, одна Антонина. Что же тут скажешь?..

— Корея бурно развивается. Это здорово! — просветлел патриот, никогда не бывавший на родине. — По телевизору видел. Наверное, переуду.

— Положение у России тоже хорошее, — не могла не отпарировать раскрасневшаяся Антонина. — Если позовет дочка, подамся к ней.

— Астана великолепна! — с пафосом воскликнул Ерлепес.

— Да эту Астану и не понять! — отозвался Санакбай, не зная, чего бы умного добавить в дискуссию.

Вместо палки держа ружье и нехотя покидая насиженное место, в магазин отправилась Антонина.

— Газиза ругается, говорит, что после нас, как после вражьего набега, — не с пустыми руками возвратилась она.

— Благодаря нам процветает её торговля. Что ещё надо? — Ерлепес, надувшись, пересел на другую сторону.

— Появился молодой поэт Султанмахмут. Он пишет: «Взойду на тёмный небосвод и солнцем ярким стану!» — продекламировал Санакбай, подбоченясь. — Сам вычитал недавно.

— Что-то много солнц появилось. Как бы не спалили ещё, — иронически буркнул Ерлепес.

— А давай споём, — предложила Антонина и, словно слыша мелодию, стала покачивать из стороны в сторону головой. Потом в такт пошли бёдра.

— Да, споём все вместе, — оживился кореец и стал, подражая дирижёру, размахивать руками.

— Начинай, а мы поддержим.

Ерлепес, пытаясь встать, поднялся только с третьей попытки.

Санакбай, прикрыв глаза, запел:

*Куре белой не сыплешь корм,  
Может, хочешь её уморить?..*

Он уже брал более высокую ноту, как его резко оборвал Ерлепес:

— Ой, стоп, стоп! Кончай травить душу! Твоя курица давно издохла. Нам гимн подавай! Вспомнили? Ну-ка, дружно вместе! Запевай!

*В небе солнце твое золотое...*

Четыре голоса, разбредаясь, кто в лес, кто по дрова, сливались воедино только во время рефрена «Мой Казахстан!». Когда же дошли до припева, Антонина, в избытке чувств, возьми да стукни, прикладом ржавого ружья оземь. Только того и требовалось: патрон, попавший в ружье ещё в далёком восемьдесят шестом, выстрелил. Раздался оглушительный гром! Видать, истомился в патроннике старого ружья: выстрел переполошил весь аул. Верблюжата и жеребята, порвав привязи, рванули прочь из загонов.

— Россия, родненькая, спаси! — перепуганно запричитала Антонина, упав навзничь и воздев руки к небесам.

— Made in Korea! — взвизгнул звонким голоском старый портной и, как подкошенный сноп, повалился в её же объятия.

Санакбай и Ерлепес, не зная, куда им подеваться и у кого найти укрытие, ретировались: рысцой обогнув магазин и иноходью припустив в убежище...

P.S. Воробы же, слетевшие со всех концов на горстку зерен, живо суетились, распихивая друг дружку и чирикавая до самого солнца.